Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РОЛИ ИСКУССТВА

«Искусство для искусства» — мысль такая же странная в наше время, как «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Все человеческие дела должны служить на пользу человеку, если хотят быть не пустым и праздным занятием: богатство существует для того, чтобы им пользовался человек, наука для того, чтобы быть руководительницей человека; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на бесплодное удовольствие.

* * *

Во всех отраслях человеческой деятельности только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вяло и бледно, не только не приобретает исторического значения, но и само по себе, без отношения к действию на общество, бывает ничтожно. Когда дело идет о стремлениях и фактах, принадлежащих к сферам материальной, научной и общественной жизни, эта истина признается бесспорно всеми. Когда дело идет о живописи, скульптуре, архитектуре, также ни один сколько-нибудь сведущий человек не будет спорить против мысли, что каждое из этих искусств достигало блестящего развития только тогда, когда это развитие обуславливалось общими требованиями эпохи. Скульптура процветала у греков только потому, что была выражением господствующей черты в их жизни — выражением страстного поклонения красоте форм человеческого тела. Готическая архитектура создала дивные памятники только потому, что была служительницей и выразительницей средневековых стремлений. Итальянская школа живописи произвела дивные картины только потому, что была выразительницей стремлений общества в том веке и в той стране, служила духу века, состоявшему в слиянии классического поклонения красоте человеческого тела с заоблачными

стремлениями средних веков.

Есть люди, которые любят толковать о свободном творчестве, — по чему ж не толковать и об этом предмете! дело хорошее, лишь бы только толкующий сам понимал, о чем толкует, и не смешивал свободного творчества, например, с пустословием, которое относится скорее к прозе, и притом очень пошлой прозе, нежели к поэзии. Свободное творчество состоит в том, чтобы поэт не насиловал своей природы: природа внушает одному сатиру, другому идиллию — пусть каждый из них пишет, что ему внушает природа таланта. Но если сатирик начнет гнуть свой талант, чтобы — хочешь не хочешь — написать идиллию, тут уже не будет ровно никакой свободы творчества, а просто-напросто будет насильствие таланта, и идиллия выйдет хуже всякой пародии на идиллию. Для Гоголя свободой творчества было писать о Чичиковых и Бетрищевых, а изображать Улиньку и Костанжогло было чистым насильствием таланта; Диккенса «Пиквикский клуб» и «Тяжелые времена» — равно плоды свободного творчества, как и Пушкину «Онегин» не менее «Каменного гостя» внушен свободным творчеством. Уж более двух тысяч лет прошло с того времени, как высказана была истина, что верховным правилом разумной жизни должно быть «слушайся природы». Пора нам понять эту истину. И в поэзии она так же бесспорна, как во всем остальном.

Правда и то, что у одних натура сильна, здорова и влечения ее дельны, у других — натура дрябла и влечения ее пусты. Конечно, людям последнего разбора непонятны здоровые влечения и дельные мысли. К числу таких людей принадлежат, между прочим, и те, которые воображали, что прочной литературной славы можно достичь у нас, не имея сильных и благородных стремлений, что публика наша прельстится фразами без смысла, формою без живой идеи.

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ

Меня привлекают незаурядные характеры, характеры борцов. Люблю людей неравнодушных, неистовых. Таков, например, Радищев. Таков и Чернышевский. Их жизнь, отданная служению Отечеству, окружена легендами.

Памятники им установлены в волжском городе Саратове. И хотя я работал над ними в разные годы, меня не покидала мысль о единении этих двух великих людей. Их неуемность, кремневые убеждения поразительная стойкость, когда дело касалось отстаивания ими своих идей, — все это я стремился выразить языком скульптурного искусства.

Мысль воплотить образ Чернышевского в скульптуре возникла у меня еще в студенческие годы в Саратове, где я часто посещал дом-музей этого великого человека, читал его страстные книги. Впечатление они произвели на меня огромное, потому что хорошо объясняли, как нужно жить, в чем видеть смысл жизни. Чернышевский покори меня силой духа, своей убежденностью негибачего революционера, предвидевшего и горячо пропагандировавшего прекрасное будущее, которое в неистовой работе приближали и он сам, и воспетые им «новые люди».

А. КИБАЛЬНИКОВ.